

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос-Рус) 6-445
Р69

Романовская, Лариса.

Р69 Сиблинги: [для среднего и старшего школьного возраста] / Лариса Романовская. — М. : Самокат, 2019. — 328 с. — (Встречное движение). — ISBN 978-5-91759-889-5.

В будущем изобрели специальный прибор для изучения прошедшего времени — хронометр. И теперь Женька — почти супергерой, потому что может менять прошлое других. Как и остальные восемь подростков, живущих на искусственной планетке, будто братья и сестры — сиблинги. Все они уже прожили свою жизнь, но однажды что-то пошло не так.

Лариса Романовская — лауреат премии «Книгуру» и «Новая детская книга». Фантастическая повесть «Сиблинги» вошла в короткий список конкурса «Книгуру» в 2017 году.

© Романовская Л., текст, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательский
дом «Самокат», 2019

ISBN 978-5-91759-889-5

Художнику Лене Ремизовой

Я — это я.
Набрал я яблочек ящичек,
Ловил стрекоз
я солнечных, блестящих.
Я видел ягуаров и ягнят,
Я слышал, как ветра в траве звенят,
Я гладил ящериц янтарных наяву.
Я жил когда-то и опять живу!

Дарья Герасимова

Пролог

Шестиклассника Женьку Никифорова вызвали с контрольной по алгебре. Он с самой перемены чувствовал себя как-то странно, но с другой стороны — контрольная же. Перед контрольной всегда слегка психуешь, даже если готов и всё такое. Он решал третье задание, когда понял: всё-таки надо выйти, иначе будет плохо. Хуже обычного.

Он положил тетрадь на стол математички, пошёл к двери. За спиной заржал Рыжов:

— У Артемона понос!

И Марина Генриховна рывкнула не на Рыжова, а на Женьку:

— Никифоров! Не мешай классу!

У него внутри как будто обрушилась ледяная волна — такая нестерпимо ледяная, что стало горячо. Он понимал, что вот он идёт вдоль доски к выходу из класса, и одновременно чувствовал, что вокруг него открылась огромная пустота. И в этой пустоте отчётливо встала мысль: чтоб ему сдохнуть, Рыжову. Чтоб им всем сдохнуть.

Женька даже поразился ясности этой мысли. Она давно была в нём, наверное, ещё с пятницы, с той истории в спортзале. Но только сейчас, в пустоте, мысль вдруг стала чёткой и простой, как ещё одна задачка на контрольной.

Женька больше не видел и не слышал ни Рыжова, ни Марины Генриховны, ничего. Он молча открыл дверь и вышел наружу.

Он думал, что выйдет в коридор второго этажа. Но вместо этого попал в чужой кабинет.

Потолок был выше, чем в школьном коридоре. Даже выше, чем в проклятом спортзале. Яркие лампы, белые стены, длинный стол. За ним сидели пожилой дядька в синем халате и лохматый парень, на вид лет восемнадцати, в тёмных очках. Женька этих двоих никогда раньше не встречал.

Парень приподнял очки и сказал:

— Никифоров Евгений. Вроде успели.

Они смотрели на Женьку, а он думал: сколько до конца урока? Он знал, что в третьем задании ответ будет «минус единица». Ещё он думал, что скоро вернётся. И что Рыжов должен сдохнуть. Все они должны сдохнуть.

Пожилый протянул руку, тронул на столе перед собой какой-то предмет... Песочные часы. Только что сверху вниз просыпались последние песчинки.

— Что ж ты так долго не шёл, Никифоров Евгений? — сказал он как будто даже с огорчением.

— Контрольная же, — машинально пояснил Женька. — Но я... меня... Куда я не шёл? Что это здесь... вообще?

Пожилой отозвался вопросом на вопрос:

— Ты веришь в жизнь после смерти?

— Не верю, — почему-то соврал Женька.

— И правильно, — кивнул пожилой. — Смерти нет. Если жизнь не заладилась, то спокойной смерти не жди...

— Пал Палыч! — удивился парень. — Рано же...

Женька зацепился было за эту мысль, насчёт «спокойной смерти», но тут у него за спиной что-то грохнуло.

Он обернулся.

Вместо двери обратно было толстое стекло. По краям обледенелое, как иллюминатор в самолёте. За стеклом вдруг быстро поплыла темнота. Мелькали редкие огни. Гудел пол. У Женьки заложило уши, словно кабинет набирал высоту.

Но так не бывает.

Женька хотел сглотнуть, чтобы в ушах щёлкнуло. Язык плохо шевелился, как после заморозки.

— Мы летим?

— Нет, плывём! — хохотнул парень. И добавил сразу, пока Женька не успел обидеться: — Давай уже знакомиться. Меня Максом зовут. А это Пал Палыч, он у нас главный.

— Не летим и не плывём, а перемещаемся, — Пал Палыч говорил спокойно. — Мы в лаборатории научно-исследовательского института — НИИ хронологии...

Свет стал тусклым. В ушах шумело. Женька не всё слышал, но кивал. НИИ. Лаборатория. Эксперимент, значит.

Пол задрожал сильнее. До свободного стула было шага три. Женька сел. Все замолчали — тоже как в самолёте. Даже пристегнуться захотелось.

Потом шум закончился, свет стал ярче.

...Пал Палыч говорил про время. Женька слушал и не заметил, когда в ушах перестало гудеть. Максим положил голову на руки, как на скучном уроке. Как будто он уснул там, прямо в тёмных очках.

А Женьке было... кажется, интересно.

Пал Палыч рассказывал, что в будущем есть Институт хронологии, и там изобрели прибор, чтобы изучать прошедшее время. Прибор называется «хронометр». На нём можно посмотреть любую законченную жизнь — как фильм. Незаконченные смотреть нельзя, от этого всё портится.

Иногда человека в детстве называют «маленький Эйнштейн», «будущий Моцарт» и всё такое. Но он вырастает и становится обычным. Планы не сбываются. Когда эта неинтересная жизнь заканчивается, её можно отмотать на «хронометре» до того места, где этот человек ещё ребёнок, где он что-то сочиняет, изобретает и ему от этого хорошо...

И бывает наоборот: жил-был себе обычный человек, и вдруг с ним что-то случается. Что-то плохое. Или даже

очень плохое. (На этих словах Макс приподнял голову, потом снова уронил её на руки.) Это тоже можно увидеть с помощью «хронометра». Когда жизнь закончилась.

Если человека забрать из прошлого, настоящее не изменится. Каждый законченный день — это как коробка. День прошёл, коробка захлопнулась и осталась в прошлом, будто попала на склад. Если её взять, никто не заметит — на склад заглянуть нельзя. Никому, кроме институтских.

— Значит, вы меня... забрали? — уточнил Женька.

Пал Палыч кивнул.

— А зачем?

— Затем, что дольше ждать нельзя было.

Вот всегда так. Вроде отвечают, но становится ещё непонятнее. Надо было спросить не «зачем», а «почему». У Женьки включилась логика:

— Вы меня забрали, потому что у меня что-то не сбылось?

Пал Палыч молчал. Женька снова почувствовал внутри себя ледяную и горячую пустоту.

— Потому что... со мной что-то случилось? — ответа не было. — Потому что моя жизнь закончилась?

Часть первая

1

Никто никогда не знает, куда делись ножницы. Даже если ножниц пять пар и все только что были на месте.

— А кто взял? Дядя Петя с мыльного завода? Всё, потом поищу. Юрка! Гошка! Руки мыть! Быстро!

Про дядю Петю — это поговорка Долькиной бабушки. Ещё бабушка говорила каждый вечер, прежде чем свет включить: «Занавесь окна, а то сидим как на юру, соседи смотрят».

Что такое юр, Долька до сих пор не знает. Но по вечерам, зажигая свет, она всегда задёргивает занавески. Хотя никаких соседей здесь нет. Только белки. Чёрные, рыжие, серые. Белки так кричат, будто одновременно мяукают и каркают. Они дерутся, гоняются друг за другом, прыгают чёрт-те откуда в самый неподходящий момент.

Вечереет. Долька идёт по комнатам, занавешивает окна. Чтобы не было «как на юру». Возвращается в кухню. Тут тепло, свет яркий, запахи густые и уютные. А ещё тут шумно.

— Вермишель с подливкой будете? — спрашивает Долька.

Слово «вермишель» вызывает дикий хохот. Ни почему. Просто слово странное.

— Гошка! Не вертись! Тебя никто стирать не будет!

И опять хохот под потолок, слова тонут в клубах пара. Чайник закипел.

— О, ножницы! Чёрт! Что вы ими резали?

Они переглядываются. Хихикают. Молчат. Лучше Дольке не знать, зачем им ножницы. Раз все на месте, какая разница. Смысла нет на них сердиться. За них даже бояться смысла нет — всё самое страшное с ними давно случилось. А остальное можно отстирать, заказать, простить или выдумать.

— Народ, кто у чайника звук отключил? Ну, кто ему свисток снял с носика? Не надо так больше. Всё, кто поел — брысь отсюда. Некрасов! Ты до завтра ужинать собираешься?

— До послезавтра, — Гошка давится словами и смехом. Сам пошутил — сам посмеялся.

— Хорошо, Некрасов, — очень серьёзно говорит Долька. — Я тебе постелю в кухонном шкафу.

— Лучше на плите, она тёплая, — Гошка блямкает вилкой о тарелку. Подливка летит во все стороны. Дитя малое.

Долька очень хочет сказать: «Прибила бы, да поздно уже». Но это нечестно. Она молча грузит тарелки в посудомойку. А когда поворачивается к столу, Гошки там нет. В кухне стало тише раза в три.

Ирка с Людочкой молчат, потому что доедают. Когда я ем, я глух и нем. Близнецы молчат, потому что они почти всегда молчат. Между собой общаются вообще без слов. Им так удобнее. Тем более, что Серый заикается.

Но Сашка его всегда понимает, как будто телепатия у них. А Юрка читает, в упор не видя, что в тарелке у него давно пусто.

Юра вот так умеет — вроде с ними, но сам по себе. А Витька Беляев точно так же отключался и сидел рисовал, в любом месте, в любом времени. Непонятно, как очень тихий и сосредоточенный Витька общался с бешеным Некрасовым... не просто общался — дружил. Мало ли, что почти одногодки, — характеры-то вообще разные, совсем.

Гошка — он как фейерверк или как динамит даже. А Витя спокойный. Наверное, спокойный за двоих. Сел, блокнот открыл — и привет. Долька так не умеет отключаться и не научится этому никогда. Всё-таки они разные очень, сиблинги.

Это Веня сказал тогда новое слово. Вениамин Аркадьевич, куратор. В тот вечер, когда пропал Беляев.

Долька помнит все подробности. Прокручивает их в голове, как кино.

Вечер, и она расставляет вымытую посуду. И тут Некрасов распахивает дверь кухни. И орёт — до звона в окнах:

— Доль! Тебя на проходной спрашивают! Сказать, что занята?

— А кто там?

— Веник Банный!

— Вениамин Аркадьевич. Скажи, подойду, — Долька улыбается.

— Долька, а знаешь, что такое: «Стоит гора, в горе дыра. Дай мне ответ! Да или нет?»

— Не знаю. Дверь закрой! С той стороны!

Замок лязгает. Стекло вздрагивает. В густом закатном свете, словно крупа в бульоне, плавают пылинки. Кружатся по спирали, вспыхивают в рыжих солнечных лучах. То, что тут светит, всё равно называют «солнце». Чтобы ещё и с этим не заморачиваться.

Долька выходит из кухни — медленно, осторожно. А по коридору почти бежит. Стемнело. В стёклах хорошо видно её отражение. Долька поправляет ворот рубашки, прячет улыбку и только потом задёргивает занавески... Веня приехал. Что-то случилось? А вдруг соскучился?

Веня — взрослый. Старший научный сотрудник, ассистент Пал Палыча, куратор планетки.

Веня умный. Рядом с Веней Долька как внутри кинофильма, где всё время звучит счастливая печальная музыка. Долька слышит её в шорохе сосен, в хриплых воплях белок. В шуме прибора.

Когда у куратора остаётся время, он мотается с подопечными на край планетки, к морю. Они жгут костёр на берегу. Пекут картошку, жарят хлеб.купаются на закате и в темноте. Ночью на море звёзды от влаги дрожат. Долька никогда не была там вдвоём с Веней.

Веня стоит на проходной. У него в авоське стопка

круглых жестянок. Личные дела контингента. Обитателей полигона и потенциальных кандидатов. Веня протягивает авоську. Она только кажется тяжёлой, на самом деле жестянки лёгкие. У Вени очень красивые руки. И рубашка красивая, в клетку. Долька улыбается.

— Как живёте, Вениамин Аркадьевич?

— Твоими молитвами.

Он же сам доказал в диссертации, что Бога нет. Это глупо. Дальше спрашивать ещё глупее, но Долька всё равно говорит, не убирая эту совершенно идиотскую, счастливую очень улыбку:

— А грант вам дали уже?

— Нет, конечно. Слышала поговорку «Пока травка подрастёт — лошадка с голоду помрёт»? Ну, вот так. Пока нам все бумажки согласуют... Сама же знаешь, кто над нами и зачем.

Долька кивает, смотрит на авоську. Она знает — и сколько денег в их проект вбухано, и сколько ресурса лично на неё потрачено. А ещё Долька знает, что у неё больше никогда не будет вылетов. Ни за что в жизни. Даже если тут не жизнь. Но об этом можно не думать, когда рядом есть Веня. Когда он есть.

— Если дадут, вы мне скажите, ладно? Я за вас радоваться буду.

— Скажем, без вариантов. Если дадут — тебе же новых принимать. Справишься, Долли?

— Без вариантов, — она пробует скопировать Венины интонации. Глупо выходит. Ужасно глупо.

Авоська в Долькиной руке качается, как маятник, туда-обратно. На каждой жестянке жёлтая наклейка «Для служебного пользования» и подпись Палыча — чёрным несмываемым фломастером. И печати — круглые, квадратные. Институтские. И академии наук. И министерства обороны. И ещё какого-то учреждения — там только заглавные буквы, ПРНГ, что ли. Будто ребёнок дорвался до пишущей машинки и давил на все кнопки подряд. Где-то там, за печатями и аббревиатурами, на каждой жестянке стоит Венина подпись. И поэтому хочется наклейку оторвать и спрятать. И никому никогда не показывать.

— Я всё разберу, — врёт Долька.

В личных делах давно ад кромешный, всё распихано по шкафам и переезжает с места на место. Копаться в этом добре Дольке то некогда, то лень.

— Спасибо, — Веня вытаскивает из кармана свёрнутые трубкой бланки.

Сейчас Долька их заберёт и тоже скажет «спасибо». И всё.

— Долли, в расписании «окно» хорошее. Хэллоуин. Городок маленький, детей любят, русских много, конфет тоже много. Соберёшь всех?

— Конечно, соберу. Я спросить хотела...

В коридоре слышны шаги. Очень звонкие. Босиком по мокрому линолеуму! Сразу и уборке кранты, и чистым ногам!

— Некрасов! — выдыхает Долька.

Гошка несёт куда-то старый бикс. Отбивает по блестящему боку ритм. Веня пробует перекричать:

— Некрасов, собирайся, за конфетами пойдём! И сиблингам своим скажи...

— Кому?

— Братишкам, сестрёнкам. Всем, короче.

Когда у родителей только сыновья, одни мальчишки, то они друг другу братья. Когда девчонки, то сёстры. А когда те и другие? Если одним словом? Тогда — сиблинги, вот как.

На секунду Долька касается Вениной ладони. Тёплая. Губы тоже тёплые. Ну, Долька так думает. Главное — не краснеть. И чтобы голос не дрогнул.

— Народ! Кто хочет конфет? Бегом за костюмами, кто не успел, тот опоздал!

Ей самой карнавальный костюм не нужен. И конфеты тоже. Дольке бы поговорить с Веней, наедине. Набраться смелости и сказать то, что думает. Может, получится? Прямо сегодня, совсем скоро?

...В весёлой незнакомой темноте никто и предположить не мог, что они — настоящая потусторонняя сила. Сиблинги выглядят как обычные дети. Весёлые, шумные, в карнавальных масках, с конфетами в карманах и во рту.

— Юрка, меняться будешь? Квадратное на зелёное?

— Тянучка?

— Шипучка! Во рту взрывается!

Они бегали от дома к дому, менялись масками и дурацкими шляпами. Выкрикивали весёлую бессмыслицу, типа «кошелёк или жизнь». Все выбирали «жизнь». Все орали и хохотали. Даже Серый, хотя он вообще заикается.

Они сворачивали за завешанные искусственной паутиной кусты. Бежали к домам, из которых доносились такие же искусственные, из фильма ужасов крики. Постучали, напугали, заржали, поблагодарили. Двинулись дальше, сквозь толпу таких же радостных мелких зомби и упырей. Одним нужны конфеты, другим чужой уют. И конфеты тоже.

— От меня ни на шаг! — командовал Веник Банный.

— Ага, щаз!

— Такое «щаз» бывает через час!

— Витька, я всё слышала! Гош, не отставай...

Веня медленно шёл по тротуару. Долька за ним. А Макс — за Долькой. Не вдвоём, как она хотела, а втроём. Ни о чём не спросишь, не объяснишь.

— Мы сворачиваем! Сашка! Серый!

Дольке хотелось крикнуть, словно с балкона: «Быстро домой! Уроки делать! У-жи-нать!» Но они вернутся на рассвете, и получится «зав-тра-кать».

— Люда! Ирка!

— А Некрасов где? — спохватился Вениамин Аркадьевич. — Максим, ты видел?

— Да вроде с нами был... — когда Макс хмурится, он сразу становится старше.

— Он там стоит, — Витька Беляев показал куда-то себе за спину. — Сказал, что голова кружится.

— Никому никуда не уходить, — скомандовал Веня. — Вон у того платана встаньте.

— Это сикомора, — Максим вертел что-то в руках, в темноте непонятно, но неважно.

— Это одно и то же.

Веня пошёл назад, Долька за ним. Может, они успеют поговорить? Но им сейчас не до того. И идти совсем недалеко — до ближайшего перекрёстка.

Гошка в карнавальной маске сидел, прислонившись к чужому забору. Смотрел на мир, словно сквозь песочные часы. Долька присела рядом, пощупала лоб: холодный. Даже слишком.

Дольке всегда кажется, это она виновата, хотя идея с чужим праздником — Венина. Сейчас не нужно признаваться ему в любви. Хотя хочется.

Вокруг иллюминация, завывания ненастоящих чудовищ и светящиеся пластмассовые черепа. Всем весело, интересно.

— Гош, ты в порядке? Что случилось?

— Не знаю. Голова кружится.

— Идите к нашим, а мы домой, — Долька посмотрела на Веню, потом на тёплые огни чужого городка.

Вениамин Аркадьевич пошёл, не обернувшись. Долька